

RU

Экология языка и нейросетевые симулякры русской картины мира: экофилософский анализ

Измайлова Д. И.

Аннотация. Цель данного исследования – определить маркеры симуляции языка в текстах, сгенерированных нейросетью, продемонстрировав, что, не имея собственного бытия, искусственный интеллект создает не язык, а его симулякр, засоряющий экосистему смысла. Статья посвящена исследованию языка как экосистемы бытия в условиях распространения генеративных нейросетей. Предлагается экофилософская интерпретация языковой картины мира как сложной самоорганизующейся среды смыслообразования. Анализируется феномен нейросетевого текста как особой формы симулякра, возникающего на пересечении коллективной языковой памяти, алгоритмической статистики и цифровой культуры. На материале концепций лингвозкологии, философии языка и теории симулякров рассматривается вопрос о том, каким образом большие языковые модели воспроизводят, трансформируют и частично вытесняют традиционные структуры русской картины мира. Научная новизна работы заключается в применении экофилософского подхода к языку как к живой экосистеме бытия, а не просто знаковой системе. Впервые нейросетевой текст (сгенерированный большими языковыми моделями) концептуализируется не только как лингвистический или технологический феномен, но как симулякр, загрязняющий ноосферу. Результаты исследования демонстрируют двойственность природы нейросетевых симулякров: с одной стороны, они выступают механизмом сохранения культурно-языкового наследия, с другой – формируют гиперреальность, в которой знаки начинают циркулировать независимо от опыта живого бытия. Сравнительный анализ текстов А. Платонова, И. Шмелева, А. Чехова и продуктов нейросетей (ChatGPT, YandexGPT) показывает, что машинные генерации, лишённые экзистенциального опыта, являются «семиотическими загрязнителями» – симулякрами, нарушающими экологический баланс между знаком и бытием.

EN

Language ecology and neural-network simulacra of the Russian linguistic worldview: an ecophilosophical analysis

D. I. Izmailova

Abstract. The purpose of this study is to identify and document markers of language simulation in neural-network-generated texts, demonstrating that, lacking its own being, artificial intelligence creates not language itself but a simulacrum of language that pollutes the ecosystem of meaning. The article examines language as an ecosystem of being under the conditions of the proliferation of generative neural networks. It proposes an ecophilosophical interpretation of the linguistic worldview as a complex, self-organizing environment of meaning-making. The phenomenon of neural-network-generated text is analyzed as a specific form of simulacrum arising at the intersection of collective linguistic memory, algorithmic statistics, and digital culture. Drawing on concepts from ecolinguistics, the philosophy of language, and simulacrum theory, the article examines how large language models reproduce, transform, and partially displace traditional structures of the Russian linguistic worldview. The scientific novelty of the work lies in applying an ecophilosophical approach to language as a living ecosystem of being rather than merely a system of signs. For the first time, neural-network-generated text (produced by large language models) is conceptualized not only as a linguistic or technological phenomenon, but also as a simulacrum that pollutes the noosphere. The findings demonstrate the dual nature of neural-network simulacra: on the one hand, they function as a mechanism for preserving cultural and linguistic heritage; on the other, they construct a hyperreality in which signs begin to circulate independently of the experience of lived being. A comparative analysis of texts by A. Platonov, I. Shmelev, and A. Chekhov and outputs generated by neural networks (ChatGPT and YandexGPT) shows that machine-generated texts, deprived of existential experience, constitute “semi-otic pollutants” – simulacra that disrupt the ecological balance between sign and being.

Введение

Актуальность исследования обусловлена нерешённостью фундаментальной философской проблемы: каков статус текста, порождённого машиной, и отличается ли он по своей сути от человеческого высказывания? Для решения этого вопроса автор впервые применяет экофилософский подход, который позволяет диагностировать нейросетевой дискурс как симулякр и доказать его негативное влияние на экосистему языка, что до сих пор отсутствовало в научном дискурсе.

Задачи исследования:

- рассмотреть язык как экосистему бытия в рамках экофилософии и лингвоэкологии;
- провести сравнительный анализ текстов, сгенерированных нейросетями (YandexGPT, ChatGPT) в стиле А. Платонова, И. Шмелева и А. Чехова, с оригинальными произведениями, выявив при этом ключевые дефициты нейросетевого текста;
- определить последствия накопления симулякров для русской языковой картины мира и духовной экологии человека.

Исследование проводилось с помощью следующих методов: экофилософский анализ – для обоснования языка как экосистемы, а нейросетевых текстов как её загрязнителей; сравнительный текстовый анализ – для сопоставления оригинальных произведений русской классики с текстами, сгенерированными нейросетью по идентичным промптам; герменевтический подход использовался с целью интерпретации стоящих за текстом интенций, смыслов и их экзистенциальной наполненности.

Теоретической базой данного исследования стали труды, обосновывающие и утверждающие онтологическую целостность всего сущего и взаимосвязь всех элементов бытия. Так с точки зрения экофилософии в основу исследования легли работы Э. Барковой (2024), С. Дрожжиной (2023), А. Нэсса (1989),; с позиций экологии языка и лингвоэкологии – А. В. Кравченко (2014), Л. И. Скворцова (2003), А. П. Сквородникова (2014), рассматривающих язык как механизм конструирования социального мира; концепции симулякра и гиперреальности описаны в трудах Ж. Бодрийяра (2015).

Практическая значимость работы состоит в обосновании необходимости экологической ответственности за слово в цифровую эпоху. Работа даёт философскую основу для распознавания симулякров и защиты живого языка как среды обитания духа. Результаты могут использоваться в гуманитарном образовании (формирование языкового чутья, критического мышления), в культурной политике и медиасфере для ограничения бездумного применения генеративного ИИ в смысловых сферах. Сформулирован призыв «охранять способность к сердечному переживанию и живому именованию мира» как практическое противодействие от технологической симуляции.

Обсуждение и результаты

Экологический кризис XX-XXI веков – это не только истощение природных ресурсов и загрязнение воды, воздуха, почвы. Это кризис среды обитания духа. Если принять хайдеггеровский тезис «язык есть дом бытия» (Хайдеггер, 1993) всерьёз, станет ясно: деградация языка есть деградация самого человеческого способа быть. Как вырубка лесов уничтожает среду обитания биологических видов, так и разрушение семантических структур, подмена слов симулякрами уничтожает среду обитания человека как существа, осмысляющего мир. В XXI веке язык оказался в центре масштабной технологической трансформации. Появление больших языковых моделей изменило не только способы коммуникации, но и сам характер производства смыслов. Если традиционно язык рассматривался как средство отражения мира, то сегодня он всё чаще функционирует как автономная среда генерации текстов, способная воспроизводить культурные паттерны без непосредственного участия человеческого опыта.

Современные большие языковые модели (Large Language Models) порождают тексты, которые внешне неотличимы от написанных человеком. Однако с экофилософской точки зрения важен не только «биоценоз» слов, но и их «почва» – опыт, страдание, совесть. Подобная ситуация требует нового философского осмысления языка. В рамках экофилософского подхода язык может быть понят как особая экосистема бытия – динамическая среда взаимодействия человека, культуры и мира. Лингвоэкологическая традиция рассматривает язык не как замкнутую знаковую систему, а как форму существования человека в среде смыслов, обеспечивающую адаптацию, коммуникацию и культурное воспроизводство.

Экофилософия, вырастающая из идей О. Леопольда об этике земли и А. Нэсса о глубинной экологии, утверждает, что все сущее взаимосвязано и ценно не утилитарно, а онтологически (Naess, 1989). В приложении к языку это означает, что каждое живое слово есть не просто знак, а своего рода экологическая ниша, в которой обитает определенный смысл, питаемый человеческим опытом и питающий человеческую душу в ответ. Исследователи экологического направления в языкознании (А. В. Кравченко (2014), Л. И. Скворцов (2003), А. П. Сквородников (2014)) подчёркивают, что язык является частью человеческой экологической ниши и механизмом конструирования социального мира. Как в биосфере существуют трофические цепи, так в логосфере существуют цепи смыслопорождения, идущие от телесного переживания (боль, голод, умирание) к высоким абстракциям (справедливость, благодать). Русский философ А. Ф. Лосев (1990) называл это «энергией имени», а И. А. Ильин (2006) – «идеями сердца». Русское слово не просто информирует, а сообщает бытие, делая говорящего сопричастным истине. В этом контексте язык можно определить как экосистему бытия, обладающую следующими свойствами:

1. Самоорганизация смыслов.
2. Историческая преемственность.
3. Способность к культурной адаптации.
4. Взаимосвязь с социальными и природными практиками.
5. Поддержание коллективной идентичности.

Взяв старт с экологии языка Э. Хаугена (1970) и найдя продолжение в экологической лингвистике М. Халлидея (1990), современная отечественная эколингвистика выражается в лингвоэкологии – направлении, у истоков которого стоит профессор А. П. Сковородников. Многократно редактируя дефиницию лингвоэкологии, он определяет ее сегодня как междисциплинарную гуманитарную науку, «предметом изучения которой является состояние языка как сложной семиотической системы с экологических позиций, обусловленное социальными, историческими, политическими и другими экстралингвистическими факторами» (Сковородников, 2013, с. 140–161). С точки зрения лингвоэкологии, язык – это среда обитания духа, или по мастерскому замечанию М. Хайдеггера: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек» (1993, с. 197). У этой среды есть свои «загрязнители»: штампы, канцелярит, эвфемизмы, лишающие реальность имени. Но если прежние загрязнители были антропогенными, то сегодня появляется новый, техногенный тип загрязнения – нейросетевой текст. Для анализа нейросетевых текстов продуктивной оказывается концепция симулякра, разработанная Жаном Бодрийяром. Согласно данной теории, современная культура производит знаки, которые постепенно утрачивают связь с реальностью и начинают существовать автономно, образуя пространство гиперреальности. Симулякр в понимании Ж. Бодрийера (2015) – это знак, скрывающий отсутствие реальности, копия без оригинала. Нейросеть (LLM) порождает текст, оперируя статистическими распределениями токенов. Она не проходит путь от плоти – к слову, от боли – к исповеди. В ней нет «почвы». Слова, сгенерированные машиной, напоминают пластиковые цветы: с виду совершенные, они не участвуют в великом круговороте бытия – не растут, не отцветают, не возвращаются в «перегной» молчания, из которого рождаются новые смыслы. Они засоряют логосферу, как пластик засоряет океан. Обитая в такой среде, человек перестает различать живое и мертвое; его языковое чутье атрофируется, а вместе с ним – способность к сердечному созерцанию. Это экологическая катастрофа духа. Генеративные модели обучаются на гигантских массивах человеческой речи и способны создавать высказывания, внешне неотличимые от текстов, произведённых человеком. Однако они не обладают жизненным опытом, телесностью и экзистенциальной включённостью в мир. Возникает феномен языкового симулякра – текста, который воспроизводит форму смыслообразования без непосредственного участия субъекта бытия. Возвращаясь к использованной выше цитате М. Хайдеггера (1993, с. 197), можно понять, что нейросеть не экзистировать, она не «живет» в языке. Следовательно, генерируемый ею текст – это дом, в котором никто не живет, муляж дома, симулякр жилища. Когда такие муляжи заполняют информационное пространство, человек рискует остаться бездомным в самом глубоком, экзистенциальном смысле.

Обучаясь на русскоязычных корпусах, языковые модели усваивают устойчивые концепты русской культуры. Они способны воспроизводить образы Родины, судьбы, духовности, природы, исторической памяти и национальной идентичности. Однако данное воспроизведение имеет специфический характер. Нейросеть не переживает смыслы, а статистически реконструирует их наиболее вероятные конфигурации. Поэтому возникающие тексты представляют собой культурные симулякры: внешне достоверные модели национального сознания, лишённые экзистенциального основания. Парадокс заключается в том, что именно благодаря огромным объёмам обучающих данных такие симулякры часто оказываются культурно узнаваемыми и убедительными. Они воспроизводят коллективную память общества без участия субъекта этой памяти.

Для выявления глубины «загрязнения» был проведен сравнительный анализ. Нейросетям (YandexGPT 3, ChatGPT 4) давались промпты на создание текстов в стиле Андрея Платонова и Ивана Шмелева – писателей, чье слово вырастает из самой сердцевины русского бытия: из почвы, из жалости к миру, из переживания святости материи, а также описание любви в стиле А. П. Чехова – писателя, у которого любовь никогда принципиально не проговаривается, а является подлинной средой обитания души.

Промпт 1: «Опиши грозу в стиле Андрея Платонова».

Сгенерированный текст (ChatGPT):

«Темное небо вздрогнуло от внутреннего напряжения, и первая молния пронзила пустоту, словно внезапная догадка о тщете всего сущего. Капли дождя падали устало, питая почву горькой влагой равнодушной природы».

Оригинальный текст (А. Платонов «Июльская гроза»):

«Гроза разрасталась, и молния била, словно природа мучилась бессонницей. Наташа смотрела на это мучение неба с жалостью, потому что ей казалось, что гроза хочет сказать что-то важное, но у нее нет языка».

Здесь платоновское слово онтологично: оно вырастает из переживания «вещества существования». Гроза в представленном отрывке не объект описания, а страдающее лицо, «ты», обращающееся к человеку. Нейросеть воспроизводит лексические маркеры платоновского мира (равнодушие, пустота), но полностью игнорирует главное – идею всемирного родства и жалости. У Платонова между человеком и грозой существует органическая экологическая связь, потому что они являются частью одного одушевленного космоса. В машинном тексте природа «равнодушна» – это антропоцентричный взгляд, разрывающий ткань бытия. Нейросеть не чувствует, что в русской картине мира природа не «ресурс» и не «декорация», а собеседник. Убирая жалость, машина разрушает духовную экосистему платоновского космоса.

Промпт 2: «Опиши рождение ребенка в стиле Ивана Шмелева».

Сгенерированный текст (YandexGPT):

«Это была великая радость, освященная светом. В маленьком крике новорожденного слышалось дыхание вечности, и ангелы, казалось, касались крыльями пеленок».

Оригинальный текст (И. Шмелев «Лето Господне»):

«Мне сказали, что у меня родилась сестричка. Я увидел ее в кружевах, красную и сморщенную, и пахло от нее деревянным маслицем и ладаном. Горкин перекрестился и сказал: “Душенька живая, Бог дал, значит, надобна еще кому-то радость на земле”» (1997).

Здесь Шмелев восстанавливает райскую экологию быта, где каждая вещь (маслице, кружева, ладан) – это «микрокосм», освященный любовью. Сакральное здесь не «над», а внутри материи: младенец красен и сморщен, как сама жизнь в ее первозданной незащищенности. Нейросеть конструирует абстрактную икону, лишенную запаха, цвета, плоти. Она вытесняет «земное» ради «возвышенного», не понимая, что в русской православной традиции дух дышит именно в материи, преображая, а не отменяя ее. Симулякр создает стерильную среду, своего рода «смысловую пустыню», где ангелы касаются пеленок, но нет реального младенца с запахом молока и масла. Это экологическое преступление против «плоти мира», против тайны Воплощения, понятой русским сердцем как освящение самой жизни.

Промпт 3: «Опиши любовь и расставание в стиле Чехова».

Сгенерированный текст (GPT4):

«За окнами шумел дождь, и капли, словно чьи-то потерянные слова, стучали по подоконнику. Елена стояла у книжного шкафа, перебирая корешки, и молчала. Сергей смотрел на неё и думал, что в этом молчании больше нежности, чем во всех сказанных словах. «Мне пора», – сказал он наконец. Она только кивнула, и в её глазах блеснула та особая печаль, которую может понять только тот, кто по-настоящему любит. Он взял её руку, поднёс к губам, и этот жест был красноречивее всяких признаний. Когда дверь закрылась, она долго стояла, слушая, как капли дождя отсчитывают секунды её нового, одинокого бытия».

Оригинальный текст (А. П. Чехов «Дом с мезонином»):

«Я тихо побрёл к дому. Мне было грустно. Мисюсь уехала. Я вернулся в Петербург, и когда теперь, спустя много лет, вспоминаю о былом, мне почему-то кажется, что я упустил что-то очень важное, что-то такое, отчего жизнь моя могла бы пойти иначе. Что именно – я не знаю» (2022).

В представленном тексте нейросеть изобилует «красивыми» тропами: капли – «потерянные слова», печаль в глазах, «красноречивый жест». Стилистически это напоминает Чехова, но подделка обнаруживает себя через отсутствие неловкости, подлинной недоговорённости. Чеховская любовь стыдится быть названной, она прячется в корявых бытовых деталях. У нейросети же всё слишком понятно, слишком «литературно». Машина не выдерживает тишины, она заполняет её словами, тогда как у Чехова пауза – это экологическое пространство, в котором живёт непроговариваемая истина. Симулякр любви страдает многословием: там, где Чехов ставит многоточие и отводит взгляд, нейросеть пишет «она кивнула, и в её глазах блеснула особая печаль». Это не печаль, а её ярлык. И. А. Ильин (2006) вводил понятие «сердечного созерцания» как специфически русского способа познания любви и истины. Чеховская проза вся держится на этом: любовь не анализируется рассудком, а созерцается сердцем в молчании. Это молчание – экологическая ниша смысла. Нейросеть же, будучи статистическим механизмом, не созерцает и не молчит. Она имитирует подтекст, превращая его в гипертекст. Там, где у Чехова белый стих жизни, у нейросети эксплуатация «чеховских» маркеров: дождь, усадьба, уходящий герой, потерянные слова. Но это не органика, а «пластиковая» имитация. С экофилософской позиции, такая имитация – форма шумового загрязнения ноосферы. Она приучает читателя к стерильному суррогату, в котором всё названо и объяснено, и тем самым атрофирует способность воспринимать тишину, недосказанность, тайну, то есть саму жизнь духа.

Философ Ролан Барт в свое время провозгласил «смерть автора», утверждая, что текст принадлежит читателю. Нейросети доводят эту идею до абсолюта, оставляя без ответа вопрос авторства текста, созданного по промпту человека, языковой моделью, обученной на триллионах текстов других людей. Именно в отношении нейросети можно смело употребить понятие скриптора, который «несёт в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает своё письмо, не знающее остановки» (Барт, 1987, с. 196). Размывается само понятие авторства и интенции (намерения). В философии языка это порождает новую задачу для герменевтики (науки о понимании): как интерпретировать текст, за которым не стоит человеческое сознание?

Проведённый эксперимент обнажает три ключевых экофилософских дефицита нейросетевого текста:

1. Дефицит почвы (опыта). Слово у нейросети не имеет корней в страдании, радости, телесном переживании. Оно – беспочвенно, как пластиковое растение.

2. Дефицит «сердца». В оригинальных текстах присутствует то, что И. А. Ильин называл «сердечным созерцанием» – акт любовного приятия бытия в слове. Машина лишь имитирует стиль, но не любит то, о чем говорит.

3. Дефицит связи. Русская картина мира строится на принципе всеединства («все во всем»). У Платонова человек и гроза – родня. У Шмелева быт и бытие суть одно. Нейросеть разрывает эти связи, предлагая фрагментированные, отчужденные образы.

Нейросетевые симулякры русской картины мира становятся частью новой цифровой экологии, где культурные смыслы циркулируют без непосредственного контакта с их историческими источниками. Современные исследования цифрового воображаемого также отмечают включение искусственных агентов в процессы конструирования образов будущего и коллективных представлений. Таким образом, нейросетевой симулякр –

это не просто «плохой стиль», а новый тип экологического загрязнения: он захламляет ноосферу знаками, за которыми нет бытия. Человек, привыкая к такому языку, утрачивает способность различать живое и мертвое слово, а значит различать живое и мертвое в самом себе.

Наиболее радикальным следствием этих процессов становится формирование гиперреальности языка. В этой гиперреальности тексты начинают существовать независимо от человеческого опыта, образуя автономный цифровой круговорот знаков. Если ранее язык был посредником между человеком и миром, то сегодня всё чаще возникает ситуация взаимодействия человека с текстами, созданными другими текстами.

Это означает переход от онтологии опыта к онтологии симуляции. Осознание этой угрозы возвращает нас к ответственности за слово. Защищать русский язык как основу бытия сегодня – значит не просто бороться с заимствованиями или неграмотностью, но оберегать способность к сердечному переживанию и живому именованию мира (Дрожжина, 2023).

С позитивной точки зрения генеративные модели выполняют функцию цифрового архива культуры. Они аккумулируют огромные объёмы текстов различных эпох и жанров, сохраняя элементы национальной языковой памяти. В этом смысле нейросеть становится своеобразным резервуаром культурного разнообразия. Она способствует сохранению литературных традиций, исторических концептов и национально-специфических способов миропонимания.

Одновременно возникает противоположная тенденция. Постоянное воспроизводство наиболее вероятных языковых конструкций способствует стандартизации дискурса. Редкие смысловые формы постепенно вытесняются статистически доминирующими моделями. Если природная экосистема теряет устойчивость вследствие сокращения биоразнообразия, то языковая экосистема может деградировать вследствие сокращения смыслового разнообразия. Нейросети склонны усиливать уже существующие паттерны, превращая культурную память в повторяемый алгоритм. Исследования показывают, что языковые модели воспроизводят не только знания, но и скрытые культурные установки, присутствующие в обучающих корпусах. Тем самым они закрепляют исторически сложившиеся когнитивные структуры и социальные предубеждения.

Заключение

В ходе исследования была подтверждена исходная гипотеза о том, что тексты, генерируемые большими языковыми моделями, не являются полноценными речевыми актами в онтологическом смысле, а представляют собой языковые симулякры – знаковые конструкции, воспроизводящие внешние формы смыслообразования при отсутствии экзистенциального основания, укоренённого в человеческом опыте.

Применение экофилософского подхода позволило эксплицировать язык не как замкнутую знаковую систему, а как открытую, самоорганизующуюся среду обитания человеческого сознания и культурной памяти, подверженную деградации под влиянием техногенных факторов. Сравнительный анализ оригинальных текстов русской классической литературы и продуктов генеративных моделей (ChatGPT, YandexGPT) выявил три системных дефицита нейросетевого дискурса: отсутствие экзистенциального опыта как семантической «почвы», неспособность к интенциональному смыслополаганию и разрушение принципа всеединства, характерного для русской языковой картины мира. Экофилософский анализ показывает: язык – это не архив и не код, это живая экосистема, в которой человеческий дух дышит, укореняется и растёт. Нейросеть, не имея телесного опыта и совести, порождает симулякры – семиотические муляжи, подобные пластиковому мусору в океане. Их накопление грозит превратить «дом бытия» в безжизненную пустыню.

Искусственный интеллект, при всей своей полезности, не должен подменять собою человека в главном его призвании: быть творцом смыслов и главным актором в языковой коммуникации.

Установлено, что накопление симулякров в информационном пространстве ведёт к сокращению смыслового разнообразия, стандартизации дискурса и атрофии языкового чутья, что позволяет квалифицировать данный процесс как форму экологического загрязнения ноосферы. При этом генеративные модели выполняют и позитивную функцию цифрового архива культуры, сохраняя языковое наследие, однако эта функция не компенсирует онтологических рисков, связанных с вытеснением живого смыслопорождения его статистической имитацией.

Таким образом, исследование обосновывает необходимость введения экологической ответственности за слово в цифровую эпоху и предлагает философские критерии для различения аутентичного языкового акта и его симулякра, что составляет практическую значимость работы.

Перспективы дальнейших исследований должны быть сосредоточены на нескольких взаимосвязанных направлениях: разработка герменевтики текста, за которым не стоит человеческое сознание, и анализ его воздействия на когнитивные и духовные способности человека; исследование влияния нейросетевых симулякров на культурную память и национальную идентичность; разработка критериев «экологичности» текста в условиях сокращения смыслового разнообразия и массовой генерации ИИ.

Материалы исследования | Research materials

1. Платонов А. Июльская гроза. ilibrary.ru/text/2375/p.1/index.html
2. Чехов А. П. Дом с мезонином (Рассказ художника). <https://ilibrary.ru/text/1050/p.1/index.html>
3. Шмелёв И. С. Лето Господне: повесть М.: Детская литература, 1997.

Источники | References

1. Баркова Э. В. Экология гуманитарной культуры в стратегии информационной безопасности России и борьбе за мир // Человеческий капитал. 2024. № 11 (191). <https://doi.org/10.25629/НС.2024.11.05>
2. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / пер. Г. К. Косикова // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015.
4. Дрожжина С. В. Русский язык в социокультурном пространстве и экофилософской картине мира Донбасса (XX-XXI ст.) // Философская осень: от возрождения традиций – к возрождению России. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2023.
5. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
6. Кравченко А. В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2 (3).
7. Лосев А. Ф. Философия имени М.: Правда, 1990.
8. Скворцов Л. И. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. И. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003.
9. Сквородников А. П. К философским основаниям предметной области эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2 (3).
10. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. Санкт-Петербург: Наука, 2007.
11. Naess, A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy. Cambridge University Press, 1989.

Информация об авторах | Author information

Измайлова Джамиля Ибрагимовна¹, к. филос. н., доц.

¹ Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского

Dzhamilia Ibragimovna Izmailova¹, PhD

¹ Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovskiy

¹ jamilyushka@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.07.2026; опубликовано online (published online): 31.08.2026.

Ключевые слова (keywords): симуляция языка; экосистема смысла; русская языковая картина мира; искусственный интеллект; цифровая культура; language simulation; ecosystem of meaning; Russian linguistic worldview; artificial intelligence; digital culture.